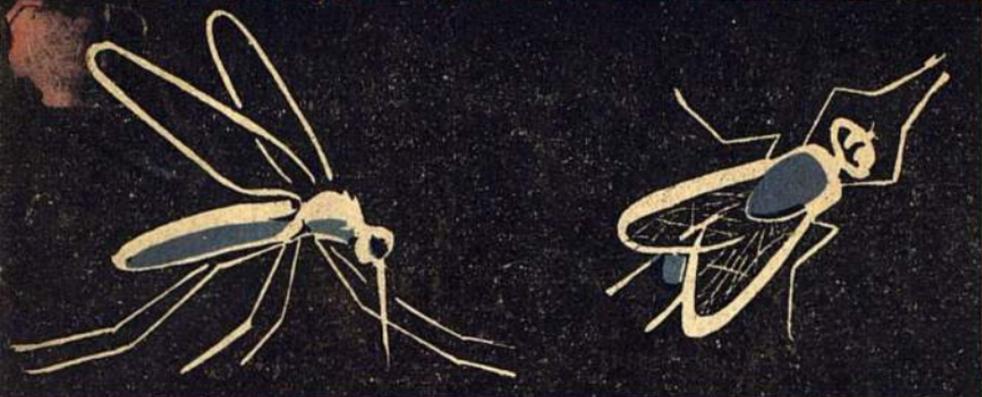

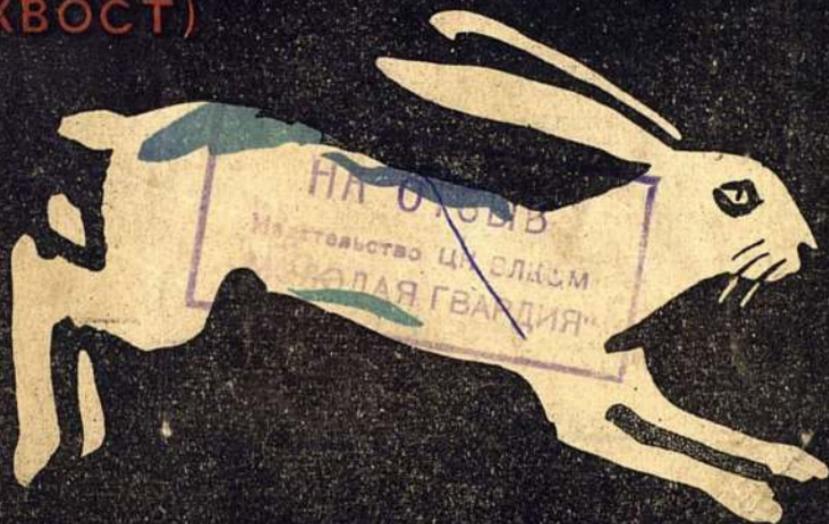
15 коп.

Д. МАМИН-СИБИРЯК

Сказки

(ПРО КОМАРА, МУХУ И ЗАЙЦА
ДЛИННЫЕ УШИ, КОРОТКИЙ
ХВОСТ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1931

1969

42 W M-299
Д. МАМИН-СИБИРЯК

СКАЗКИ

(ПРО КОМАРА, МУХУ
И
ЗАЙЦА ДЛИННЫЕ УШИ
КОРОТКИЙ ХВОСТ)

СБОРНИК
РИСУНКИ Г. ЕЧЕИСТОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1931

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Сказка про Комара Комаровича Длинный Нос и про Мохнатого Мишку Короткий Хвост.

Сказка про храброго зайца Длинные Уши, Косые Глаза, Короткий Хвост.

Сказка о том, как жила-была последняя Муха.

~~57876~~

1957-58 г.

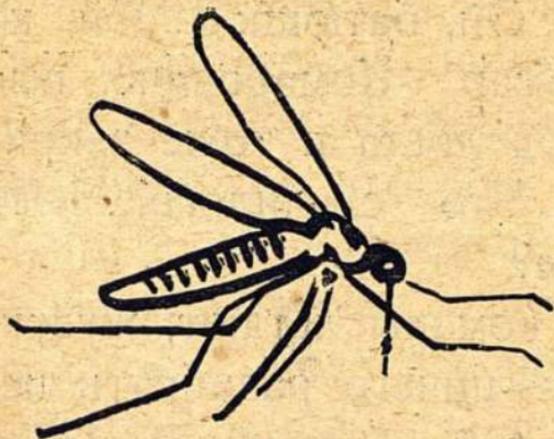
~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

Главлит А-83464. Д. 22. Гиз М 42782. Зак. № 2188. Тир. 75000 экз. 1 1/2 п. л.
1-я Образцовая типография Огиза, Москва, Валовая, 28.

л. в.

645076 кх рег.

Российская государственная
детская библиотека

СКАЗКА
ПРО КОМАРА КОМАРОВИЧА
ДЛИННЫЙ НОС
И ПРО МОХНАТОГО МИШКУ
КОРОТКИЙ ХВОСТ

I

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович Длинный Нос прикорнул под ши-

рокий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

— Ой, батюшки!.. Ой, караул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

— Что случилось?.. Что вы орете?

А комары летают, жужжат, пищат,—ничего разобрать нельзя.

— Ой, батюшки!.. Пришел в наше болото медведь и завалился спать. Как лег в траву, так сейчас же и задавил пятьсот комаров; какдохнул,—проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил...

Комар Комарович Длинный Нос сразу рассердился; рассердился и на медведя, и на глупых комаров, которые пищали без-толку.

— Эй, вы, перестаньте пищать!— крикнул он.— Вот я сейчас пойду и прогоню медведя... Очень просто! А вы орете только напрасно.

Еще сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с испокон века, развалился и носом сопит, только свист идет, точно кто на трубе играет: „Вот бессовестная тварь... Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ, да еще спит так сладко!“

— Эй, дядя, ты это куда забрался?— закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз,—никого не видно, открыл другой глаз,—едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

— Тебе что нужно, приятель?— заворчал Миша и тоже начал сердиться: „Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит“.

— Эй, уходи подобру, поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фыркнул носом и окончательно рассердился.

— Да что тебе нужно, негодная тварь?— зарычал он.

— Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю... Вместе с шубой тебя съем!

Медведю — сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

II

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на все болото:

— Ловко я напугал Мохнатого Мишку... В другой раз не придет.

Подивились комары и спрашивают:

— Ну, а сейчас-то медведь где?

— А не знаю, братцы... Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдет. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: — съем. Боюсь, как бы он

не околел со страху, пока я к вам летел... Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей-медведем. Никогда еще в болоте не было такого страшного шума. Пищали, пищали и решили — выгнать медведя из болота.

— Пусть идет к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше... Еще отцы и деды наши в этом самом болоте жили...

Одна благоразумная старушка, Комариха, посоветовала было оставить медведя в покое: пусть он полежит, а когда выспится, — сам уйдет. Но на нее все так накинись, что бедная едва успела спрятаться.

— Идем, братцы! — кричал больше всех Комар Комарович. — Мы ему покажем... Да!

Полетели комары за Комаром Комаровичем. Летят и пищат, даже самим страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

— Ну, я говорил: умер бедняга со страху! — хвастал Комар Комарович. — Даже жаль немножко, вот какой здоровый медведище.

— Да он спит, братцы! — пропищал маленький комаришко, подлетавший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

— Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! — запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. —

Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит, как ни в чем не бывало!..

А мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

— Он притворяется, что спит! — крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. — Вот я ему сейчас покажу... Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьется своим длинным носом прямо в черный медвежий нос, — Миша так и вскочил, — хватить лапой по носу, а Комара Комаровича как не бывало.

— Что, дядя, не понравилось? — пищит Комар Комарович. — Уходи, а то хуже будет... Я теперь не один, Комар Комарович Длинный

Нос, а прилетели со мною и де-
душка, Комарище Длинный Но-
сище, и младший брат, Комариш-
ко Длинный Носишко. Уходи, дя-
дя!..

— А я не уйду! — закричал
медведь, усаживаясь на задние ла-
пы. — Я вас всех передавлю...

— Ой, дядя, напрасно хваста-
ешься...

Опять полетел Комар Комаро-
вич и впился медведю прямо в
глаз. Заревел медведь от боли,
хватил себя лапой по морде, и
опять в лапе ничего, только чуть
глаз себе не вырвал когтем.
А Комар Комарович вьется над
самым медвежьим ухом и пилит:

— Я тебя съем, дядя!..

III

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую березу и принялся ею колотить комаров. Так и ломит со всего плеча... Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет,— вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжелый камень и запустил им в комаров,— опять толку нет.

— Что взял, дядя? — пищит Комар Комарович.— А я тебя все-таки съем...

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рев. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней вы-

воротил!.. Все ему хотелось зацепить первого Комара Комаровича: ведь вот тут, над самым ухом вьется, а хватит медведь лапой,— и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку: давай кататься по траве, чтобы передавить все комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только еще больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох,— вышло того хуже. Комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

— Постойте, вот я вам задам!— ревел он так, что за пять верст

было слышно. — Я вам покажу
штуку... Я... я... я...

Отступили комары и ждут, что
будет. А Миша на дерево вска-
рабкался, как акробат, засел на
самый толстый сук и ревет:

— Ну-ка, подступитесь теперь
ко мне... Всем носы пообломаю.

Засмеялись комары тонкими го-
лосами и бросились на медведя
уже всем войском. Пищат, кру-
жатся, лезут...

Отбивался, отбивался Миша,
проглотил нечаянно штук сто
комариного войска, закашлялся, да
как сорвется с сука, точно мешок...
Однако поднялся, почесал ушиб-
ленный бок и говорит:

— Ну что, взяли? Видели, как
я ловко с дерева прыгаю?..

Еще тоньше рассмеялись комары,
а Комар Комарович так и трубит:
— Я тебя съем, я тебя съем...
съем, съем...

Изнемог окончательно медведь,
выбился из сил, а уходить из бо-
лота стыдно. Сидит он на задних
лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка.
Выскочила из-под кочки, присела
на задние лапки и говорит:

— Охота вам, Михайло Ивано-
вич, беспокоить себя напрасно!..
Не обращайтесь вы на этих дрянных
комаришек внимания. Не стоит.

— И то, не стоит!— обрадовался
медведь.— Я это так... Пусть-ка они
ко мне в берлогу придут, да я... я...

Как повернется Миша, как по-
бежит из болота, а Комар Кома-

~~2 Д. Мамин-Сибиряк
ЧУВАШСКАЯ БИБЛИОТЕКА
для детской книги
детей~~

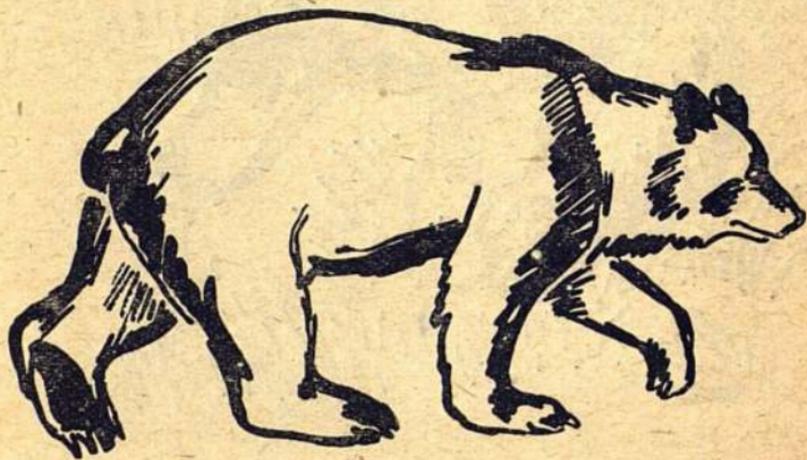

рович Длинный Нос летит за ним,
летит и кричит:

— Ой, братцы, держите, убежит
медведь... Держите!

Собрались все комары, посове-
товались и решили:

— Не стоит! Пусть его ухо-
дит,— ведь болото-то осталось за
нами.

ПРО ХРАБРОГО ЗАЙЦА ДЛИН-
НЫЕ УШИ, КОСЫЕ ГЛАЗА,
КОРОТКИЙ ХВОСТ

Родился зайчик в лесу и всего боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнет птица, упадет с дерева ком снега — у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два,

боялся неделю, боялся год; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

— Никого я не боюсь! — крикнул он на весь лес. — Вот не боюсь нисколько, и все тут.

Собрались старые зайцы, бежали маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи, — все слушают, как хвастается заяц Длинные Уши, Косые Глаза, Короткий Хвост, — слушают и своим собственным ушам не верят: не было еще, чтобы заяц не боялся никого.

— Эй, ты, Косой Глаз, ты и волка не боишься?

— И волка не боюсь, и лисицы, и медведя, — никого не боюсь!

Это уже выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата,

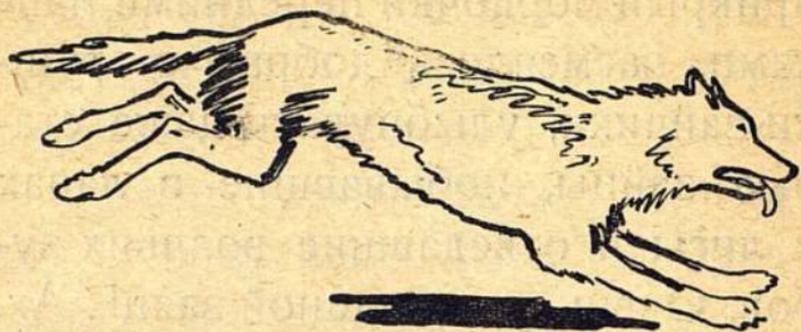
прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки-зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга...

— Да что тут долго говорить!— кричал расхрабрившийся окончательно заяц.— Ежели мне попадется волк, так я его сам съем...

— Ах, какой смешной заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк— тут как тут.

Ходил он, ходил по лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: „Вот бы хорошо зайчиком закусить!“ — как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого волка, поминают. Он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошел волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше хвастун-заяц Длинные Уши, Косые Глаза, Короткий Хвост.

„Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем“, — подумал серый волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью.

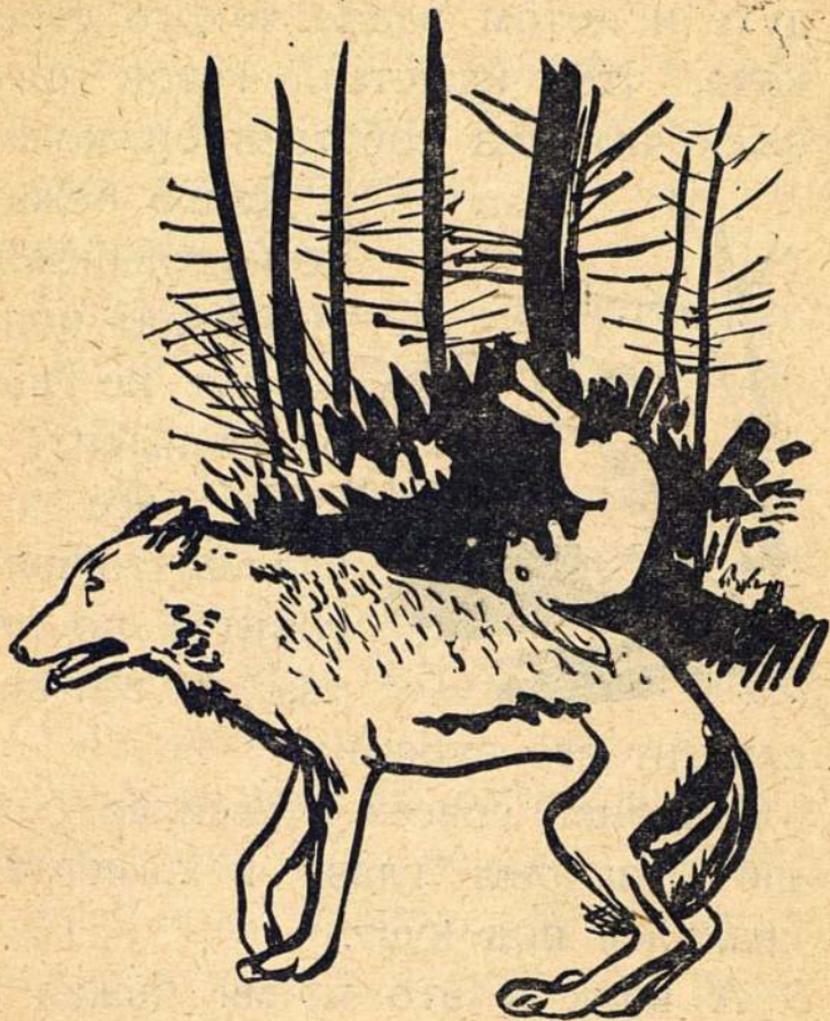
А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвастун-заяц взобрался на пенек, уселся на задние лапки и заговорил:

— Слушайте, вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку... Я... я... я...

Тут язык у хвастуна точно примерз. Заяц увидел глядевшего на него волка. Другие не видели, а он видел и не смелдохнуть.

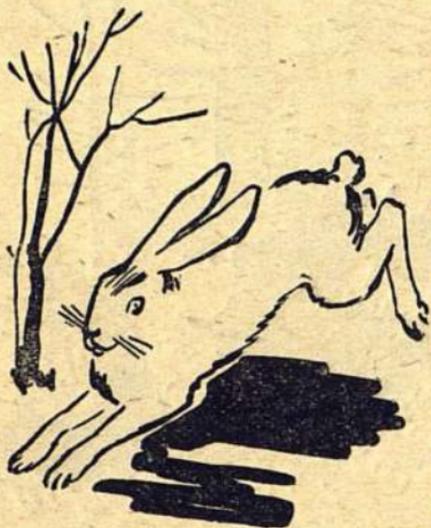
Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страху упал

прямо на широкий волчий лоб,
кубарем прокатился по волчьей
спине, повернулся еще раз в воз-

духе и потом задал такого стрелкача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему все казалось, что волк гонится по пятам и вот-вот

схватит его зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А волк в это время бежал в другую сторону. Когда заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил

И волк убежал.

Долго не могли притти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенек, кто завалился в яму.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто храбрее.

— А ловко напугал наш заяц волка!— решили все.— Если бы не он, так не уйти бы нам живыми... Да где же он, наш бесстрашный заяц?

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

— Молодец, косой!— закричали все зайцы в один голос.— Ай да

косой!.. Ловко ты напугал старого волка. Спасибо, брат. А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

— А вы как бы думали! Эх, вы, трусы!..

С этого дня храбрый заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

О ТОМ, КАК ЖИЛА-БЫЛА ПОСЛЕДНЯЯ МУХА

I

Как было весело летом!.. Сколько было мух — тысячи! Летают, жужжат, веселятся... Когда родилась маленькая Мушка, расправила свои крылышки, — ей сделалось тоже весело. Всего интереснее было то, что с утра открывали все окна и двери — в какое хочешь, в то окно и лети.

— Какое доброе существо человек! — удивлялась маленькая Мушка, летая из окна в окно.—

Это для нас сделаны окна, и отворяют их тоже для нас. Очень хорошо, а главное — весело...

Она тысячу раз вылетала в сад, посидела на зеленой травке, полюбовалась цветущей сиренью. Садовник уже успел вперед позаботиться обо всем. Какой он добрый, этот садовник!.. Мушка еще не родилась, а он уже все успел приготовить, решительно все, что нужно маленькой Мушке.

Вообще люди так добры, что везде доставляли разные удовольствия мухам. Например, Аленушка утром пила молочко, ела булочку, — все это она делала только для того, чтобы оставить мухам несколько капелек пролитого молока, а главное — крошки булки и са-

хару. Аленушкина мама была еще добрее Аленушки. Она каждое утро нарочно для мух ходила на рынок и приносила удивительно

вкусные вещи: говядину, рыбу, масло. Каждое утро она открывала все окна, чтобы мухам было удобнее летать, а когда шел дождь или было холодно, закрывала их, чтобы мухи не замочили своих крылышек и не простудились. Потом она заметила, что мухи очень любят сахар и ягоды: поэтому она принялась каждый день варить ягоды в сахаре. Мухи сейчас, конечно, догадались, для чего все это делается, и лезли из чувства благодарности прямо в тазик с вареньем. Аленушка тоже очень любила варенье, но мама давала ей всего одну или две ложечки, не желая обижать мух. Так как мухи за раз не могли съесть всего, то Аленушкина мама откладывала

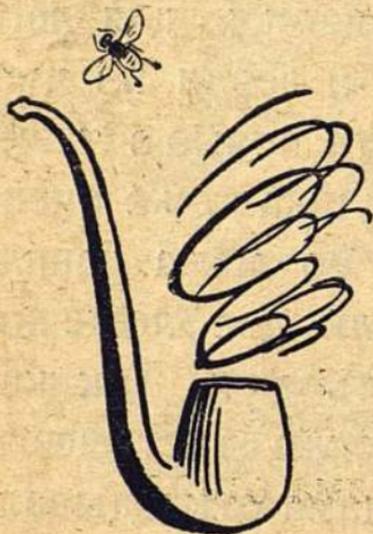
часть варенья в стеклянные банки и потом подавала его каждый день мухам, когда пила чай.

— Ах, какие все добрые и хорошие! — восхищалась молодая Мушка, летая из окна в окно. — Ах, как хорошо жить на свете!..

— Ну, люди уж не совсем такие добряки, как ты думаешь, — заметила старая муха, любившая поворчать. — Это только так ка-

жется... Ты обратила внимание на Аленушкиного папу?

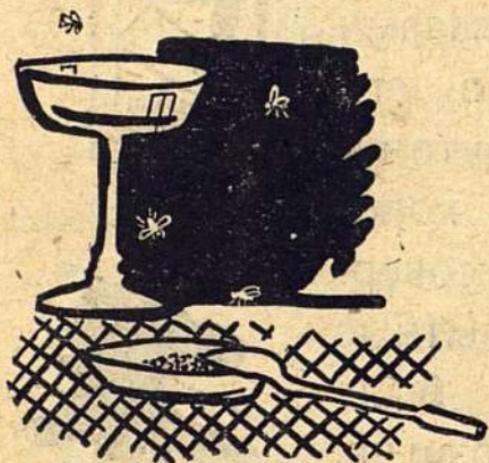
— О, да... Это очень странный человек. Для чего он курит свою трубку, когда от-

лично знает, что я совсем не выношу табачного дыма? Я раз пробовала чернила, которыми он что-то такое вечно пишет, и чуть не умерла.. Я своими глазами видела, как в его чернильнице утонули две такие хорошенькие, но совершенно неопытные мушки. Это была ужасная картина, когда он пером вытащил одну из них и посадил на бумагу великолепную кляксу.. Представьте себе, он в этом обвинял не себя, а нас же! Где справедливость?..

Лето стояло жаркое, и с каждым днем мух являлось все больше и больше. Они падали в молоко, лезли в суп, в чернильницу, жужжали, вертелись и приставали

ко всем. Но наша маленькая Мушка успела сделаться уже настоящей, большой Мухой

и несколько раз чуть не погибла. В первый раз она увязла ножками в варенье, так что едва выползла; в другой раз, спросонья, налетела на зажженную лампу и чуть не спалила себе крылышек.

— Что это такое! житья от этих мух не стало!—жаловались все.—Так и лезут везде... Нужно их изводить.

Раз утром Аленушкина мама вместе с провизией принесла пачку очень вкусных бумажек, т. е. они сделались вкусными, когда их разложили на тарелочки, обсыпали мелким сахаром и облили теплой водой.

Мухи догадались, что это делается для них, и веселой гурьбой накинулись на новое кушанье.

Дальше произошло что-то ужасное. Самые жадные мухи заплатились первыми... Они сначала бродили как пьяные, а потом и совсем свалились. На утро вымели целую тарелку мертвых мух. Оста-

лись живыми только самые благо-
разумные, а в том числе и наша
муха.

На следующий день повтори-
лось то же самое. Но людям все
казалось, что мух еще слишком
много. Аленушкин папа принес

три стеклянных
очень красивых
колпака, налил
в них пива и
поставил на та-
релочки... Тут
попались и са-
мые осторож-

ные мухи. Оказалось, что эти
колпаки — просто мухоловки. Му-
хи летели на запах пива, попадали
в колпак и там погибали, потому
что не умели найти выхода.

Наша Муха перестала совсем верить людям. Они только кажутся добрыми, эти люди, а в сущности только тем и занимаются, что обманывают доверчивых, бедных мух.

Мух сильно поубавилось от всех этих неприятностей, а тут новая беда. Оказалось, что лето прошло, начались дожди, подул холодный ветер, и вообще наступила неприятная погода.

— Неужели лето прошло?— удивлялись оставшиеся в живых мухи.— Позвольте, когда же оно успело пройти? Не успели оглянуться, а тут осень...

Это было похуже отравленных бумажек и стеклянных мухоловок. От наступавшей скверной погоды

можно было искать защиты только у человека. Увы, теперь уже окна не отворялись по целым дням, а только изредка форточки. Даже само солнце и то светило для того, чтобы обманывать доверчивых комнатных мух. Оно так весело заглядывает во все окна, точно приглашает всех мух в сад. Можно подумать, что возвращается опять лето... И что же,—доверчивые мухи вылетают в форточку, но солнце только светит, а не греет. Они летят назад,—форточка закрыта. Много мух погибло таким образом в холодные осенние ночи.

Понятно, что с наступлением осени все мухи испытывали самое дурное настроение духа. О преж-

них радостях не было и помину. Все сделались такими хмурыми, вялыми и недовольными. Некоторые дошли до того, что начали даже кусаться, чего раньше не было.

Мухи умирали сотнями. Даже не умирали, а точно засыпали. С каждым днем их делалось все меньше и меньше, так что совершенно было не нужно ни отравленных бумажек, ни стеклянных мухоловок.

III

Раз утром наша Муха проснулась довольно поздно. Она давно испытывала какую-то непонятную усталость и предпочитала сидеть неподвижно в своем уголке, под

печкой. А тут она почувствовала, что случилось что-то необыкновенное. Стоило подлететь к окну, как все разъяснилось сразу. Выпал первый снег... Земля была покрыта ярко белевшей пеленой.

„А, так вот какая бывает зима!—сообразила она сразу.— Она совсем белая, как кусок хорошего сахара“ ...

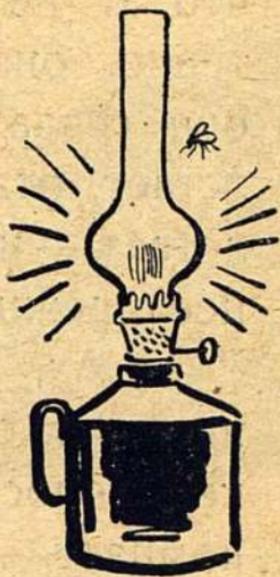
Потом Муха заметила, что все другие мухи исчезли окончательно. Бедняжки не перенесли первого холода и заснули, кому где случилось.

Наша Муха облетела все комнаты и убедилась, что она совершенно одна. Как хорошо, что в комнатах так тепло! Зима — там, на улице, а в комнатах — и тепло,

и светло, и уютно, особенно, когда вечером зажигали лампы и свечи. Спервой лампой, впрочем, вышла маленькая неприятность. Муха налетела было опять прямо на огонь и чуть не сгорела.

„Это, вероятно, зимняя ловушка для мух,— сообразила она, потирая обожженные лапки.— Нет, меня не проведете... О, я отлично все понимаю!.. Вы хотите сжечь последнюю муху? А я этого совсем не желаю... Тоже вот и плита в кухне,— разве я не понимаю, что это тоже ловушка для мух?..“

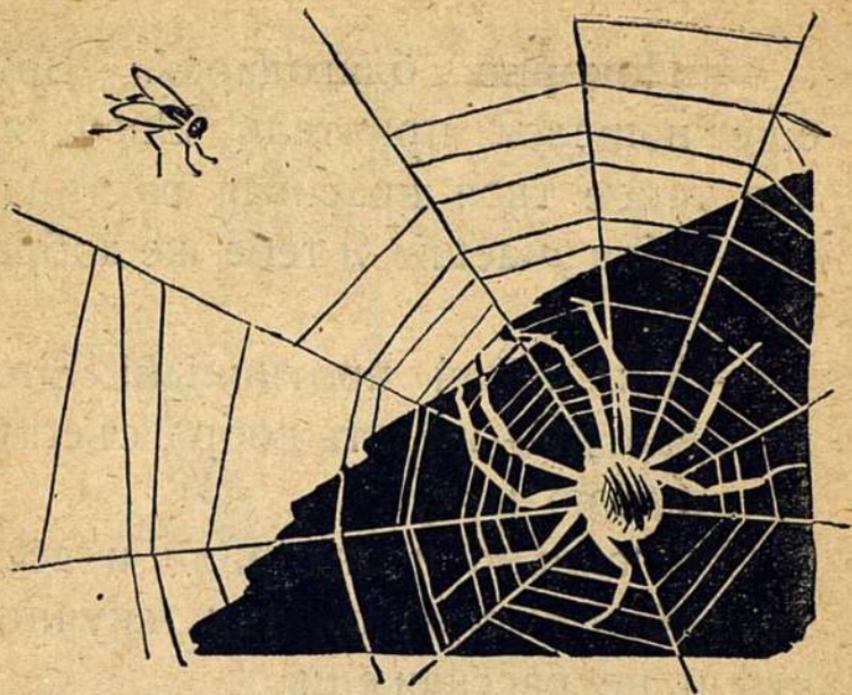
Последняя Муха была счастлива

всего несколько дней, а потом вдруг ей сделалось так скучно, что и не рассказать. Ей было тепло, она была сыта, и все же она стала скучать. Полетает, полетает, отдохнет, поест, опять полетает,— и опять ей делается скучнее прежнего.

— Ах, как мне скучно!— пищала она самым жалобным, тоненьким голосом, летая из комнаты в комнату. — Хоть бы одна была мушка еще, самая скверная, а все-таки мушка.

Как ни жаловалась последняя Муха на свое одиночество,— ее решительно никто не хотел понимать. Это ее злило еще больше, и она приставала к людям. Кому на нос сядет, кому на ухо, а то

примется летать перед глазами
взад и вперед.

Последняя Муха надоела и собаке, и кошке, решительно всем.

Летает, жужжит, пищит... Сидевший в углу паук наконец сжалился над ней и сказал:

— Милая Муха, иди ко мне...
Какая красивая у меня паутина!

— Покорно благодарю... Вот еще нашелся приятель! Знаю я, что такое твоя красивая паутина.

— Как знаешь! Я тебе же добра желаю.

— Ах, какой противный! Это называется — желать добра: съесть последнюю муху!..

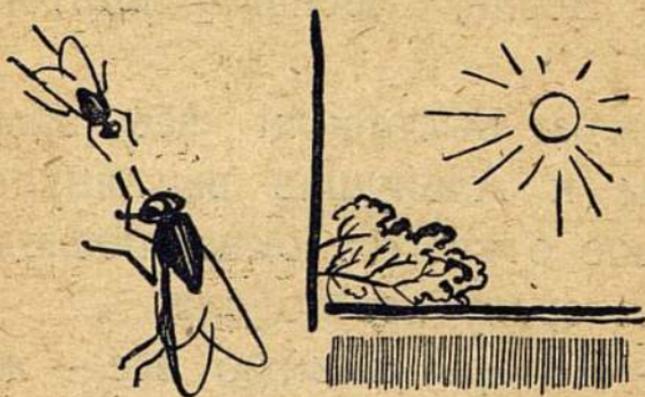
Они сильно повздорили, и все-таки было скучно, так скучно, что и не расскажешь.

Муха припоминала минувшее летнее веселье. Сколько было веселых мух, а сейчас она совершенно одна.

Зима тянулась без конца, и последняя Муха начала думать, что лета больше уже не будет совсем.

Как вдруг случилось нечто совершенно особенное. Она, по обы-

кновению, сидела в своем уголке и сердилась, как вдруг слышит: жж-жж!.. Мимо нее пролетела настоящая живая мушка, еще со-

всем молоденькая. Она только что успела родиться и радовалась.

— Весна начинается... весна! — жужжала она. Как они обрадовались друг другу! Обнимались, облизывали одна другую хоботками. Старая Муха несколько дней рассказывала, как скверно провела всю зиму и как ей было скучно

одной. Молодая мушка только смеялась тоненьким голоском и никак не могла понять, как это было скучно.

— Весна, весна!.. — повторяла она.

Когда выставили все зимние рамы и Аленушка выглянула в первое открытое окно, последняя Муха сразу все поняла.

— Теперь я знаю все, — жужжала она, вылетая в окно: — лето делаем мы, мухи...

154

80 =

Н

рисунки
Г. ЧЕЧЕИСТОВА

